

новая рубрика: артполк

Нет, не артиллерийский полк имеется в виду. Под этой рубрикой мы будем рассказывать об артистах нашей республики, как ныне здравствующих, так и оставивших земную юдоль и живущих теперь только в аудио- и видеозаписях, в различных сборниках и энциклопедиях, Интернете и нашей благодарной памяти. Итак, новая рубрика: артистический незабвенный полк республики

178

Раби́т Бату́лла

Наставник

В НАЧАЛЕ прошлого века среди татарских артистов вошло в моду брать европеизированные псевдонимы, такие как – Ильская, Волжская, Болгарская, Ашказарский, Иманский, позже – Гарский, Мушинский...

Хай Мушинский – первый в Татарстане фокусник-иллюзионист. Настоящее его имя Габдулхай Мухаметшин (1908–1984). Удалив серединное «хамет» и добавив окончание «ский», получил артист новую, необычную фамилию не только для себя, но и для всего своего немалочисленного потомства.

А родился Хай Хафизович в ауле Арслан, что на реке Тятер в Башкортостане. Вообще-то, он, оправдывая фамилию, любил пошутить, что происходит из польских шляхтичей (мелкопоместного дворянства) портового города Гданьска. И тут его тянуло к мистификациям! Кстати, недавно у него родился правнук, которого называли Арсланом. Такая вот закольцованность жизненного сюжета прослеживается – начал путь в

ауле Арслан, и продолжается он в правнучке Арслане.

Окончив в родной деревне школу, юный Габдулхай поехал в Оренбург и поступил на физфак педагогического института. Там он увлёкся театром. Настолько, что в 1936-м переехал в Казань и поступил в театральный техникум. Так что первые его шаги на сцене были сделаны в качестве драматического актёра. В недавно вышедшей юбилейной книге Татарского академического театра им. Г. Камала одна из статей посвящена актёру-камаловцу Хаю Хафизовичу Мушинскому.

Были в его судьбе и служба в Красной Армии, и тяжёлая контузия, которая поставила вопрос о жизни и смерти, и нелёгкая, многолетняя борьба за выздоровление... Обладая неукротимой волей, несгибаемым характером, в борьбе этой он взял верх и плодотворно прожил 86 лет.

Ещё работая в драматическом театре, он увлёкся жанром иллюзии и ма-

нипуляции. С 1946 года, не считая нескольких лет, посвящённых госцирку, Хай-абый всю жизнь прослужил в Татарской государственной филармонии артистом иллюзионного жанра.

Я не берусь создавать полный творческий портрет артиста, но мне пришлось поработать с ним бок о бок на различных концертных площадках, поучаствовать в длительных гастролях, пообщаться в быту... И сегодня, оглядываясь на прожитые годы, скажу: в качестве старшего товарища-коллеги он вложил в строительство моей, тогда ещё молодой души, свой наставнический кирпичик.

* * *

В 1960-е годы в филармонии действовали девять концертных бригад. Каждой группе необходим был ведущий, конферансье (артист разговорного жанра) и фокусник-иллюзионист, а ведущих концертов и иллюзионистов всегда не хватало. Каждый руководитель концертной группы старался включить в программу иллюзиониста, потому как фокусники, сами понимаете, как магнитом, притягивали зрителей и были нарасхват. Артиста-фокусника не оставляли в покое даже тогда, когда он выходил на пенсию, часто приглашали на концерты, гастроли...

Хай-абый Мушинский тоже был «нарасхват». Однажды (в 1967 году) знаменитый наш певец-непоседа Усман Альмиев организовал из артистов-пенсионеров гастрольную группу: Дина Сиразетдинова (певица), Назия Теркулова (певица), Джавахира Саляхова (певица), Усман Альмиев (певец), Файзи Садыков (баянист), Николай Шевцов (танцор), Гульсум Багманова (танцовщица), Хай Мушинский... Я был включён в качестве артиста разговорного жанра – единственный в бригаде не пенсионер. Я был молод, выдающихся успехов в этом жанре не имел, просто из-за нехватки ведущих-конферансье Усман-ага и взял меня в свою группу.

Хай Мушинский, 1949

Это было зимой. Трескуче морозной, буранной... Мы гастролировали по Буинскому, Дрожжановскому районам. Из пункта в пункт переезжали на санях, тракторах... Нас встречали неотопленные клубы. Но они были битком набиты зрителями, и концерты наши имели огромный успех.

Несмотря на то, что к тому времени я уже имел за спиной театральное училище имени Михаила Щепкина в Москве, сценического опыта было мало, а в качестве конферансье или в области художественного чтения вовсе не было. В роли чтеца работал впервые, и то были мои первые гастроли на профессиональной сцене. И моё волнение перед выходом к зрителям, понятное дело, трудно было скрыть.

Хай-абый как мог успокаивал меня и настраивал на успешное выступление. Советы его были дельны и убедительны. Сказывалось, видать, то, что он до иллюзиона имел опыт драматического артиста.

За кулисами он всегда внимательно слушал мои чтения-рассказы и при-

Хай Мушинский и баянист Гани Валиев отправляются на гастроли, 1955

стально наблюдал за поведением на сцене. И он, и Усман-абый Альмиев периодически делали замечания по поводу моего художественного чтения и контакта со зрителем. По правде говоря, мне не нравились их критические высказывания, но впоследствии я понял, что они правы. Как чтец я чувствовал себя на сцене всё уверенней и уверенней и в дальнейшем имел неплохой сценический успех. Спасибо за это корифеям эстрады!

Артистов в населённых пунктах, где они гастролеровали, обыкновенно рассквартировывали по двое, по трое по домам колхозников – тогда отелей и домов для приезжих и в помине не было. Мы с Хай-абый Мушинским всегда размещались вместе.

После концертов за ночным чаем частенько беседовали об особенностях эстрадного искусства, о мастерстве художественного чтения и наших выступлениях.

– Бывают разные зрители, – начал он как-то... – Ты сегодня неуверенно себя чувствовал, зрители это увидели и аплодировали тебе сдержанно. Почему? В этой деревне зритель особенный. Здесь проживают в большинстве

своём мишары, а они не любят пафоса, напыщенности... Ты хотел взять их высокопарностью, а они сами понимают основу рассказа – юмористичен ли текст, трагичен ли... Если даже рассказ смешон до коликов в животе, здешний зритель не будет гоготать и бить в ладоши, хоть и повествование твоё им будет по душе. А рассказ твой им, замечу, всё равно понравился, вот такой уж местный зритель. Если бы сельчане не восприняли наш концерт, они тут же прямо в лицо всю правду б и высказали! Они не воспринимают выступление как лобовую атаку, не приемлют и излишнюю скромность на сцене. Держаться необходимо золотой середины. Тут, как в спорте, надо учитывать нрав соперника, в нашем случае – зрителя. Вчера, в той деревне, со своим весёлым рассказом ты имел успех и сегодня надеялся на овации. Не тут-то было! И растерялся. Потому как был уверен, что и здесь сорвёшь бурные аплодисменты. Наша работа зачастую – синусоида. После успеха жди спада. В каком смысле – жди? Делай всё, чтобы предотвратить его. То есть не надейся на инерцию и вчерашние достижения, будь уверен в себе, но не самоуверен! Самоуверен-

ность и комплекс неполноценности два полюса одной беды.

Говорили мы не только о сцене. Касались разных жизненных вопросов, в том числе – и бытовых.

– Братишка! – Так он по-свойски обращался ко мне. – Деревенский люд наблюдателен. И хозяева, и остальные сельчане запомнят приезжих артистов. С хорошей или с плохой стороны, но обязательно о тебе они составят своё мнение. Как ты сидишь за столом, как ведёшь себя в клубе, на улице... Во время прошлых гастролей один наш артист справил ночью нужду, не доходя до туалета, а снег белый-белый... Утром хозяйка первая вышла из дому коров доить, увидела жёлтое пятно на белом снегу недалеко от входных дверей и кричит нам: «Кто из вас сделал это?!» Я от стыда чуть не провалился в тартарары. Об этом вся деревня узнала. Позор!

Много чего Хай-абый мне поведал, многому и сам был свидетелем в гастрольных поездках с ним.

Запомнился, например, такой эпизод. В одной деревне Закамья председатель колхоза пригласил нас, артистов, на дневное застолье, какой-то праздник был, кажется, или день рождения чей-то, не помню. Хозяин предложил выпить за здоровье. Хай-абый – а именно к нему, как к старшему, обратился председатель – ответил отказом:

– Спасибо! У нас в школе концерт сегодня!

Председатель рассмеялся:

– Да я сам гармонист хоть куда, пока не выпью, ни за что не выйду на сцену...

– Нет! – сказал Хай-абый. – Это не в моих правилах. Перед работой я не употребляю. Тем более что выступление предстоит перед детьми.

Сколько б председатель ни уговаривал, Хай-абый не поддался, выдержал натиск и своим коллегам помог устоять.

Да, из поля своего зрения меня не упускал. Но и я наблюдал за ним, следил за его работой. Я ведь и его ассистентом на сцене выступал. Он всегда тщательно готовился к вы-

Хай Мушинский, 1936

ступлениям. Задолго до концерта начинал ходить из угла в угол по избе, приютившей нас, гастролёров, водить по воздуху руками с мнимыми чашами или кольцами – реквизитом¹, хранившимся в специальном чемоданчике и ожидавшим своего часа. Казалось бы, огромный опыт имел, дело своё знал великолепно. Однако каждое новое выступление заставляло его максимально сосредотачиваться и даже в некоторой мере отрешаться от мира. Зато после концерта он был душой компании, а когда уединялся, то, задумавшись, начинал насвистывать любимые татарские мелодии. Музыка в разных её проявлениях он очень любил. И слух имел отменный. Кстати, он хорошо играл на пианино. И когда певцы приходили к нему в гости, с удовольствием аккомпанировал им. В том числе – и своей супруге, певице, артистке хора Татарского академического театра оперы и балета им. М. Джалиля – Рабиге Сулеймановне Мушинской.

Кроме того, он увлекался изобразительным искусством. Его квартиру укра-

¹ Некоторые предметы и реквизиты Х. Мушинского размещены в музее Татгосфилармонии.

С Усманом Альмеевым (справа) на драматической сцене

шала лепнина, тянулась вязь узоров по потолку, раскинулись по стенам живописные ландшафты со львами и диковинными птицами. Он сам мастерил роскошные рамы для картин. Вообще, был неравнодушен ко всему прекрасному. Особенно интересна была коллекция антиквариата. Впрочем, коллекцией это не назовёшь, скорее всего, это было его домашним пространством, семейным бытом. Здесь и старинное пианино с бронзовыми подсвечниками, тонкошеи китайские кувшины, музыкальная шкатулка, керосиновая лампа с позолоченными девами по бокам... – всего не перечислишь.

* * *

Но вернёмся к моей первой гастроли.

Вечером после концерта мы пошли по указанному адресу в дом, где должны

были переночевать. Несмотря на то, что было уже поздно, хозяева ждали нас за накрытым столом. Хай-абый всю жизнь (236 дней в году) гастролировал по городам и сёлам и знал, как вести себя у гостеприимных хозяев. Тут действовал особый этикет.

После ужина стали собираться ко сну.

Постели были уже приготовлены, на самом почётном месте. Хозяева легли спать в отдельном доме, и мы начали обустраиваться. Хай-абый вытащил из своего чемоданчика аккуратно сложенную белую простынку, постелил, приговаривая тихим голосом:

– Я всегда с собой вожу кое-какие постельные принадлежности. В первых, у некоторых хозяев не бывает запасных простынь, наволочек... Во вторых, как-то не очень уютно спать в чужих простынях. Чего стоишь? И ты стели.

У меня нечего было стелить. Тогда Хай-абый вытащил второй комплект белья и протянул мне:

– Я всегда при запасе, порой приходится долго гастролировать, и без запаса никак не обойтись.

Утром нас ожидал вкусный завтрак: перемячи, корт, мёд к чаю. Я заметил, как Хай-абый, пока хозяйева отвлеклись, вытащил из нагрудного кармана рубашки заранее приготовленный рубль, сунул купюру под поднос и жестом предложил мне сделать то же самое. И я свою денгу так же припрятал под поднос. Рубль тогда был в цене, и филармония выдавала командированным артистам так называемые «квартирные» – по рублю за день.

Мы поблагодарили щедрых хозяев и, попрощавшись, вышли из дома. По дороге Хай-абый объяснил:

– Всё равно эти деньги филармонии. И потом, если ты предложишь хозяйевам за ночлежку свой рубль, они не возьмут и к тому же могут обидеться. Но главное, твоя душа будет спокойна. Ты ничего никому не задолжал. Когда хозяйка будет убирать со стола посуду, заметит наши два рубля и помянет обоих добрым словом. – Даже в мелочах Хай-абый оставался порядочным человеком.

Мало того что я был новичком на татарской эстраде, ещё и в бытовом плане оказался неопытным человеком. Старики-пенсионеры филармонии, всю жизнь отдавшие сцене (не стационарной, а выездной), гастролировавшие и в дождь, и в стужу, выехали подготовленными. Они взяли тулупы, тёплые шали, валенки... Помню, Хай-абый даже запаса овчинными рукавицами. Я же – в ботиночках, в демисезонном пальто. Продрог, как собака.

Ехали на трёх санях. Артистам

хоть бы хны, закутались в свои шали да шубы, едут себе преспокойненько, мурлыча под нос свои любимые песенки. Вдруг Хай-абый вытолкнул меня из саней, я оказался на студёной дороге. Вскочил на ноги, побежал... Только догоню сани, а они тут же ускоряются. И так до тех пор, пока совсем не выбился из сил. Наконец, ухватился за край саней, меня втащили в них, еле отдышался.

– Жарко? – поинтересовался Хай-абый.

Да, мне было жарко, вспотел даже.

– А то бы замёрз здесь, в санях, – сказал Хай-абый и по-отечески укутал меня пологом своего тулупа.

Как я был благодарен ему, что он отправил меня на пробежку. Этим он спас меня.

На другое утро мы должны были ехать в дальнюю деревню, стоял лютый мороз. Хай-абый попросил хозяина дать мне его тулуп и валенки:

– Простудится ведь малый. А тулуп с валенками мы отправим обратно с вашим ездовым.

Хозяин без лишних слов согласился.

Я с превеликим удовольствием шиковал в хозяйском тулупе и в его огромных валенках. И в дальнейшем Хай-абый обеспечивал меня шубой и валенками, и я, как у Всевышнего за пазухой, завершил гастроли.

Разъезжали мы с теми концертами около месяца. И общение с посланным мне судьбой наставником всю дорогу продолжалось. Сейчас я назвал бы тогдашние беседы с ним «Уроками Габдулхая-абый». Всю жизнь с благодарностью помню его наставления как старшего товарища по сцене и жизни! И всегда стараюсь выполнять его заповеди!